

Золотистые пряди Райнса намокли и облепили лицо, а в нежно-голубых глазах застыли слезы. Шестнадцатилетний юноша, бледный, точно горстка лепестков белой розы, в растерянности и страхе забился в угол.

Или, скорее, как крольчонок, загнанный в ловушку сворой гончих.

Но даже сейчас он до боли сжимал губы, не желая проронить ни звука.

Одежда на Райнсе была изорвана почти в клочья, а серые сапоги и вовсе валялись где-то внизу. Сгорая от стыда, юноша плотно сжал ноги; на краях ссадин, покрывавших его руки, проступала болезненная краснота.

Его старший брат, Герберт Соук, опираясь одной ногой на трухлявую доску, небрежно покачивал в руке опустевший кувшин. Ледяная вода, стекавшая сейчас с Райнса, еще недавно была его содержимым.

Эта заброшенная хижина стояла на задворках поместья. Несколько десятилетий назад, когда дед Герберта только начинал свой путь к могуществу, здесь, возможно, находился центр их родового гнезда. Но теперь владения семьи Соук простирались от подножия северной горной гряды вплоть до далекого морского побережья.

Благородные господа выстроили новое поместье, и в этот домик из дерева и глины уже давно никто не заглядывал.

Однако с недавних пор, стоило Герберту обнаружить, что его младший брат, рожденный от служанки, повадился здесь прятаться, старая хижина вновь стала регулярно принимать наследника рода Соук.

Герберт прищурился, разглядывая Райнса. Тот был младше всего на два года, но по комплекции брат превосходил его вдвое. Очевидно, алчная мать-горничная не слишком заботилась о своем единственном отпрыске.

Герберт медленно опустился на корточки. Как и многие благородные юноши, он был высок и крепок. В его глазах — фирменного зеленого оттенка Соуков — плескалась неприкрытая злоба, отчего они казались парой изумрудов, вымоченных в яде.

— Я же о тебе забочусь, — процедил он. — Твоя одежда насквозь промокла. Пока дойдешь обратно, простудишься насмерть.

На дворе стоял август. Даже оставь Герберт на нем хотя бы половину брюк, Райнс вполне смог бы вернуться сам.

Юноша попытался вжаться в стену еще сильнее, но прямой угол не давал никакого укрытия —

лишь пачкал кожу в вековой пыли.

— Почему не плачешь? — Герберт грубо схватил брата за щеки и силой выдернул из угла. — Плачь!

Кожа, нежная и белая, как парное молоко, мгновенно налилась кровью. Глаза Райнса заволокло влажной пеленой, но он лишь крепче закусил губу, так и не издав ни звука. Юноша отчаянно забился, пытаясь отстраниться; его слабые, дрожащие ноги уперлись в Герберта, силясь оттолкнуть мучителя.

Герберт перехватил стопу, упиравшуюся ему в колено, и резко сжал. Кожа под его пальцами была прохладной и гладкой, а тонкие косточки казались настолько хрупкими, что, казалось, сломаются от малейшего усилия.

— Нет,пусти... мгх... — вырвался у Райнса сдавленный стон боли. Он все-таки не выдержал.

Но Герберту этого показалось мало. Он с безжалостной силой вывернул стопу брата наружу.

— Отпусти... а-ах!

Ноги Райнса с самого рождения были слабыми. Даже благородные леди, прячущие ножки под пышными юбками, не могли похвастаться столь изящным сложением. Но эта красота таила в себе крайнюю уязвимость: Райнс не мог ходить дольше часа, иначе на следующий день боль приковывала его к постели.

Когда мальчику исполнилось семь, герцог спихнул его на попечение супруги, и вскоре Герберт раскрыл маленький секрет своего нового брата.

У бастарда оказался голос слаще, чем у иволги, и тело более хрупкое, чем у любой благородной девицы. настолько слабое, что это граничило с болезнью. Лишь в последние два года, повзрослев, Райнс немного окреп.

«Какая жалость, — часто думал Герберт. — Будь он хоть чуточку сговорчивее, это сэкономило бы мне массу времени».

Герберт холодно усмехнулся:

— Как больно, да? А я уж решил, раз у тебя хватило сил удрать в такую даль, то ты совсем поправился.

И пусть из-за своего здоровья Райнс ненавидел яркое солнце и физические нагрузки, ради того, чтобы спрятаться от Герберта, он был готов пересечь половину поместья и забиться в эту хижину.

Райнс бился в его хватке, как выброшенная на палубу белая рыбешка — бессильно и отчаянно. Но чем сильнее он сопротивлялся, тем крепче сжимались пальцы Герберта. Райнс почти физически слышал хруст собственных костей.

Герберт обожал слушать его плач. Может, так он мстил за обиду своей матери, а может, просто ненавидел брата. Но с тех пор, как Райнс это понял, золотая иволга семьи Соук в присутствии старшего брата превращалась в немого.

Вспылив, Герберт грубо вздернул его за подбородок.

«Наверное, сегодня придется ночевать здесь», — обреченно подумал Райнс, поджав губы.

— Господин Герберт! Молодой господин! Вы где? — раздались издали тревожные крики слуг.

Лицо Герберта окаменело: он внезапно вспомнил, что сегодня должен был отправиться с отцом на охоту. Из-за этой задержки слуги, должно быть, решили, что с ним что-то случилось.

Любое другое дело он мог бы отложить, но только не охоту с герцогом. Опоздание грозило серьезным гневом.

Герберт мрачно уставился на Райнса, решая, отпустить его или нет. Этот откровенный, липкий взгляд был настолько осязаемым, что к горлу Райнса подступила тошнота. Глаза брата скользнули от уже посиневшей лодыжки вверх, по тонким бедрам, задерживаясь на том, что скрывалось в тени.

Страсть благородных лордов к смазливym юношам ничуть не уступала их любви к женщинам, и глава рода Соук не был исключением. Герберт с детства наслушался о грязных играх, которые практиковались в этих кругах.

Он хищно оскалился:

— Мой дорогой Райнс, я тут вспомнил... кажется, другой одежды здесь нет.

Ее здесь, разумеется, не было.

В следующую секунду Герберт швырнул в него что-то легкое и прохладное.

Это оказалось шелковое алое платье. От ткани, забытой здесь одной из многочисленных любовниц Герберта, все еще исходил аромат роз.

Райнс отшатнулся, словно от раскаленного железа. Он прекрасно понимал, чего добивается брат. Тот хотел заставить его натянуть это женское платье, а затем собирался неторопливо

поджидать у ворот поместья, чтобы во всеуслышание высмеять его извращенность.

Подобное происходило уже не в первый раз.

Снаружи снова позвали. Судя по всему, дело и правда не терпело отлагательств — голос молодого лакея уже срывался на плач.

С отвращением оглянувшись, Герберт сгреб свои кожаные перчатки с трухлявой балки и ушел.

Лишь спустя долгое время Райнс позволил себе судорожно выдохнуть. Он оперся тонкими, фарфорово-белыми руками о пол, но сил подняться не нашел.

Сейчас он напоминал выброшенного на обочину птенца. Райнс осознавал, насколько жалко выглядит, но ничего не мог с собой поделать.

Он был таким с самого рождения — слабым и хрупким. И хотя мать произносила эти слова с нежной любовью, сам Райнс всегда считал себя просто мусором. Лишней деталью в этом мире.

Само его тело казалось насмешкой богов, гласящей: даже если ты и появился на свет, не жди ни капли пощады.

В глазах предательски защипало от злости на собственную беспомощность. Но в конце концов он все же ухватился за перила и заставил себя встать.

Алый шелк лежал на полу, напоминая лужу густой крови.

Райнс крепко зажмурился.

Глубокий вырез платья на тонких бретелях полностью обнажал его изящную шею, ключицы и верхнюю часть груди. Он выглядел как невинная дева, тайком примерившая откровенное белье.

Черты лица Райнса от природы отличались утонченной, почти женственной красотой. Единственное, что досталось ему от герцога — это аристократичная бледность кожи; во всем остальном он был точной копией матери.

Струющаяся ткань плотно облегла тело, ощущаясь как вторая кожа. Светские дамы, вероятно, пришли бы в восторг от такого материала, но Райнсу казалось, что он стоит абсолютно голый.

Путь от хижины до главного поместья Соуков занимал больше часа. Добравшись до территории

усадыбы, он наверняка найдет способ проскользнуть в свою комнату незамеченным.

Главное — успеть до возвращения Герберта...

С этой мыслью Райнс, прихрамывая и опираясь на стену, побрел к старой деревянной лестнице. Под каждым его шагом половицы издавали жалобный скрип, грозясь в любую секунду переломиться от невыносимой тяжести — совсем как и сам Райнс.

Снаружи хижину окружали заросли кустарника, переходящие в густой лес. В этом сезоне ветви уже покрылись молодой листвой, и их зубчатые края то и дело оставляли на ногах юноши жгучие красные царапины.

Он свернул в сторону ручья: там расстился луг без колючих кустов, идти по которому было куда легче.

Опустив взгляд на левую ступню, он заметил, что место, где ее сжимал Герберт, уже покрылось багровыми кровоподтеками. Вскоре они почернеют и вздуются, и боль не отступит как минимум дня три.

Если он хочет вернуться, нужно идти прямо сейчас. Будь у него выбор, Райнс, не раздумывая, остался бы в хижине, но с наступлением ночи в эти леса спускались на кормежку волки.

Поджав губы, Райнс попытался одернуть алый шелк пониже, но высокий разрез на бедре безжалостно выставлял напоказ его стройные белые ноги.

В этом было что-то невыносимо постыдное, отдающее горьковатым привкусом невинного соблазна.

К счастью, здесь не было ни души, иначе одними только синяками на ногах Райнс бы не отделался.

Он старался идти как можно быстрее. Августовское солнце стремительно набирало силу, припекая так, что открытая кожа юноши начала покрываться розовыми пятнами. Проведи он под этими лучами еще час — и получит сильные ожоги, а к ночи непременно сляжет с лихорадкой.

Райнс в нерешительности остановился. До поместья оставалось полтора часа пути...

«Нужно найти место и немного передохнуть», — решил он.

В глазах тех, кто таил дурные помыслы, Райнс казался идеальной игрушкой, созданной

специально для чужой утехи. Хрупкий, красивый, стоит лишь слегка надавить — и кожа идет красными пятнами; а если довести его до слез, то зрелище и вовсе становится опьяняющим.

Но для него самого это было лишь врожденным уродством, следствием слабого здоровья матери во время беременности. Болезнью, от которой не было лекарства.

Он даже не знал, сколько еще проживет на этом свете.

Райнс направился к травянистому берегу реки. Там возвышался ряд могучих дубов, и тени от их крон было вполне достаточно, чтобы укрыться от зноя.

Внезапно он схватился за грудь. По неизвестной причине сердце пропустил глухой, болезненный удар.

Тем временем в столице, отделенной от земель Соук морским проливом, в одной из тайных резиденций царил абсолютный хаос.

— Где оно?

— ...Здесь.

Исследователь, с ног до головы закутанный в черный балахон, осторожно извлек из-под обломков кристаллический резервуар.

В мутной жидкости медленно покачивался бесформенный кусок... плоти?

Лидер группы, на мантии которого красовалось несколько дополнительных кольцевых узоров, бросился к резервуару. Лицо его посерело от ужаса:

— И это всё, что удалось найти?!

— Д-да, — дрожащим голосом ответил исследователь. — В общей сложности уцелело меньше трети образца. Хвала небесам, что ранее мы успели отсечь от Него почти половину...

— Проклятье! — лидер в ярости ударил кулаком по каменному подоконнику.

Их укрытие было настолько секретным, что даже аристократы, прожившие в столице полжизни, не подозревали о существовании этой резиденции. За спиной исследователя зияли пустотой разбитые резервуары, а пол был усеян осколками пробирок и разорванными отчетами.

Сотни ученых в таких же черных мантиях суетливо метались среди руин; их лица сливались в единую маску смертельной бледности. Никто не смел проронить ни звука, молча копаясь в обломках в поисках хоть чего-то уцелевшего.

— Господин Оупен... — спустя мгновение голос стоящего рядом исследователя дрогнул. — Значит ли это... что Он проснулся? Мы обречены? Он ведь вернется, чтобы убить нас всех, да?!

...

— Не факт, — Оупен достал из нагрудного кармана платок. — Мы отсекали от Него как минимум половину. Если верить древним текстам, в этот период Он будет вынужден принять форму детеныша, чтобы регенерировать.

...Это наш единственный шанс.

<http://bllate.org/book/18086/1734607>